

Е. Н. Баранов

Система семантических «противовесов» в «Долине идолов» М. Веллера

Статья посвящена выяснению структурных принципов, организующих построение книги прозы и литературной публицистики М. Веллера «Долина идолов» (2003). В качестве таковых, по мнению автора, выступает многоуровневая система семантических оппозиций, реализующих взаимодействие мотивов, тем, оценок, художественных принципов, логик рассмотрения творческого материала.

Ключевые слова: семантические оппозиции, структура книги, литературная полемика и публицистика, приемы творческого письма, технология рассказа, текст в тексте.

E. N. Baranov

M. Weller's "Valley of Idols" as a System of Semantic "Balances"

The article is devoted to the identification of the structural principles that organize the construction of M. Weller's "Valley of Idols" – the book of prose and literary journalism (2003). This structural principle is a multilevel system of semantic oppositions that realizes the interaction of motives, themes, artistic principles, logics of material.

Key words: semantic opposition, the structure of the book, literary polemic and journalism, techniques of creative writing, technology of a short story, text in the text.

Творчество современного писателя Михаила Веллера (род. 1948) с конца 80-х гг. прошлого века занимает прочное место не только на полках отечественных книжных магазинов (его книги регулярно выходят и довольно исправно переиздаются), но и в современной популярной литературе. Можно думать, что в немалой степени это связано с тем, что Веллер уже давно не только писатель, но и активный общественный деятель, постоянный герой теле- и радиоканалов, вдумчивый аналитик и талантливый оратор, прочно занявший место одного из ярких идеологов современной России. Одним словом, писатель Веллер – персона, к которой сегодня многие прислушиваются, по которой поверяют собственные как политические, так и общеэтические воззрения.

Тем не менее, свою славу Михаил Веллер приобрел именно как писатель, одной из характерных особенностей которого является то, что этот автор всегда позиционировал себя как мастер короткой прозы, в первую очередь рассказа, поскольку именно эта жанровая форма, с его точки зрения, служит наиболее ярким показателем степени мастерства художника вообще.

К сожалению, собственно литературное творчество, в отличие от идеологических, социально-политических и экономических высказываний и суждений, широко освещаемых СМИ, остается несколько в тени современного литературоведения. Между тем, собственно художественное творчество Михаила Веллера в кругу его разно-

сторонней деятельности заслуживает серьезного исследовательского внимания. Это следует подчеркнуть еще и в связи с тем, что он один из немногих современных писателей, кто, помимо творческого дара, наделен еще и вкусом к литературоведческой рефлексии.

Своеобразие литературно-общественной позиции М. Веллера показательно демонстрирует, например, такой его проект, как «Долина идолов» (2003 г.). Это хорошо продуманное собрание текстов, созданных в разное время, по своей жанровой архитектуре весьма разнообразно и даже пестро. Здесь мы обнаруживаем собственно художественные произведения – рассказы «Гуру», «Положение во гроб», «Рандеву со знаменитостью», литературно-эмигрантский роман «Ножик Сережи Довлатова», за которым следует автокомментарий на него же «Не ножик не Сережи Довлатова», иронически произведение именуется автором как «опыт эзотерики и экзегетики».

Однако основной объем книги занимают произведения, в которых автор открыто демонстрирует читателю либо превратности жизни, самих произведений художественного слова и их создателей, либо собственное отношение к литературе, обнажая скрытые от постороннего взгляда приемы и механизмы. Здесь мы найдем свод правил и законов создания короткой прозы «Технология рассказа», рекомендации по написанию мемуаров, наставления для молодых писателей, заметки о современных беллетристах и

русских классиках. Одним словом – литературный и околотитулярный компендиум. В этом густо замешенном «блюде» присутствуют и свои острые «специи» – рекламная аннотация, предлагающая читателю «завораживающие внутрилитературные экзерсисы, анализы, размышления: нестандартные, порой вызывающие и даже шокирующие. Высокая литература о литературе» [5, с. 543]. По существу же «Долина идолов» – книга серьезная и отличается, хотя и спроектированной, целостностью.

Очерченная структура книги ставит перед читателем ряд вопросов: 1) с какой целью М. Веллер сопоставляет собственно литературные произведения, которые касаются писательской профессии, и публицистику о литературной среде; 2) какова внутренняя логика возникающего единого текста о литературе; 3) какой эффект преследует автор путем взаимодействия и взаимопроникновения художественного слова и публицистики.

Так, поставленные вопросы, возможно, приводят нас к принципиально важному моменту в понимании не только повествовательной парадигмы книги «Долина идолов», но и к существенному проникновению в природу творческого мышления М. Веллера. Момент, который мы имеем в виду, пожалуй, неизбежно возникает при попытке аналитического осмысления творчества писателя в целом, это присутствие явных или скрытых, внутренних и внешних оппозиций, соответствий, «балансиров и противовесов» в веллеровских текстах вообще.

Вот как организована структура книги. Открывается она рассказом «Гуру», над названием которого вынесено крупно выделенное слово «ВНАЧАЛЕ». В основе рассказа лежит сюжет об искушенном мастере, который, не щадя самолюбия молодого коллеги, обучает его основам писательского ремесла. Закрывают книгу два рассказа под единым грифом «КОНЕЦ», правда, номинация к каждому из рассказов снабжена определением, в первом случае это «Плохой конец» – рассказ «Положение во гроб», а во втором, естественно, «Хороший конец» – рассказ «Рандеву со знаменитостью».

Первый рассказ весь соткан из противостояния учителя (он – *мастер, мэтр, мудрец, саксаль, гуру, художник, жрец, Люцифер, корифей*) и ученика (он – *сопляк, щенок, мальчишка, графоман, серый штурмовичок, невежда, бездарный кандидат в подмастерья*). Но и «советы» учителя насквозь парадоксальны и антиномичны: «Не

бойся морали. Бойся искажения истины». «Публика всегда аплодирует профессионально сделанной ей на потребу халтуре... А остаются – только шедевры!». «Научись писать легко, свободно – и небрежно – так же, как говоришь». «Научись писать длинно». «А теперь ври напропалую». «Выкидывай все, что можно выкинуть». «Вставляй лишние, ненужные по смыслу слова. Но чтоб без этих слов – пропал вкус фразы». Зачем М. Веллеру потребовалась подобная «эквилибристика»? Он заставляет две противоположности смотреться друг в друга, видя прообраз самих себя в разных временных контекстах, где для мастера – это прошлое, а для ученика – возможное будущее как человека, так и писателя.

В финальных рассказах, помимо очевидным образом обозначенной рамки, границ в структуре текста, разумеется, существенна оппозиция «плохого» и «хорошего» способов завершения литературного пути писателя – как «конца» произведения. Жизнь одного писателя прошла в писании не так, как хотелось, и потому его посмертное горькое признание есть и поступок и свидетельство краха. Жизнь другого писателя принесла успех: он писал, как хотел. Поэтому его финальное честное признание есть повод для самоуважения и... глумления коллег по цеху.

Продолжением рассказа-зачина в книге М. Веллера стал роман «Ножик Серёжи Довлатова», впервые опубликованный еще в 1994 г. («Знамя», № 6). Эта вещь, «ужатая» с 250 страниц до 68, толкует не только о личности и судьбе действительного писателя, но несет в себе уже и литературный контекст. Здесь очевиден биографический контекст – в конце 1980-х впервые в СССР были опубликованы в журнале «Радуга» (М. Веллер был членом редакции) рассказы С. Довлатова, затронута также литературная ситуация в постперестроечной России.

Здесь вновь мы встречаем систему «противовесов», речь о самих *Веллере* и *Довлатове* (их фамилии сразу сталкиваются уже в заголовке). Даже помимо показа непростых взаимоотношений двух писателей из этого опорного пункта вырастает повествование, в котором возникают щемящие лирические отступления о судьбах эмиграции (*Россия – за граница*). Всплывает излюбленная М. Веллером тема взаимоотношений *писатель – критик*, где последний почти всегда на коне, но в духовном проигрыше. В конечном итоге подобные сопоставления могут проявить себя даже на уровне детали, вынесенной в заголовок: дешевому китайскому ножу, подарен-

ному С. Довлатовым, противостоит целая коллегия, как холодного, так и огнестрельного оружия, подробно и изящно описанного автором.

В пару «Ножику» писатель помещает стильный автокомментарий, текст-двойник «Не ножик не Сережи не Довлатова», который послужил ответом на довольно жаркую полемику и критику в адрес писателя, разразившуюся после выхода романа-первоисточника: Курицын В. Поверхность лезвия // Сегодня, 17 августа 1994 г.; Новиков В. Изобретатель // Общая газета, 25 августа 1994 г.; Морозова Т. Я бы его повесил // Литературная газета, 31 августа 1994 г.; Тарантул Ю. Не баечник, но рассказчик // Независимая газета, 19 сентября 1994 г.; Мокроусов А. А вот те шиш! // Огонек, № 32, 1994 г.; Золотонос М. Казус Веллер // Московские новости, 13 ноября 1994 г.; Блажнова Т. А вот мне шиш // Книжное обозрение, 25 февраля 1995 г. и др.

Само построение текста отвечает принципу диалога (цитата и комментарий к ней), но на этот раз писатель беседует с собственным произведением, а вернее, поясняя частности, договаривает его, «вышивает гладью» по своей прежней «канве». Тем самым он принимает на себя роль оппонента, судьи и адвоката собственного текста. Неотъемлемой составляющей «Не ножика» выступает, в первую очередь, самоирония, которая ставит в нейтральную зону все спорные веллеровские сентенции, а затем отсылает читателя к авторам и произведениям, послужившим потенциальной первопричиной исходного текста (уходя в «тень» иных авторитетов).

М. Веллер – мастер короткой прозы, поэтому, знакомясь с художественным обрамлением его книги, мы сосредоточены на вкусной фразе, на жесте, повороте сюжета, на рассказываемом событии. Но в рассмотренных выше художественных текстах присутствует и сквозная тема всей книги: «писательство и его обстоятельства». «Начало» и «концы» повествуют о том, что представляет собой сам творческий труд. «Довлатовская» диалогия обращает нас к перипетиям творческого быта, выживания, пути к читателю.

А вот центральное положение и основной объем в книге занимают тексты, в которых литература и писатели выступают скорее в роли того материала, который стал поводом для авторского полемического и публицистического повествования. Эти тексты тематически разбиты на разделы, которым писатель дает наименования, в конструкции которых уже звучит противопоставление:

– Собрание комичных и страшноватеньких литературных анекдотов, различные стороны литературной жизни («Пир духа»).

– Писатели, их репутация и образ в глазах профессионала («Чернила и белила»).

– Творческий быт («Ящик для писателя»).

– Ножницы редактора («Служили два товарища, ага!»).

– В лапах критики («Укуситель и укусомый»).

– Дебри художественной речи («Блым-блым-блым»).

– Качество художественного текста как проблема («Долина идолов»).

В названиях главок прослеживается тот же принцип сопоставления. Это может быть *парная формулировка* («Кухня и кулуары», «Прихожая и отхожая», «Масс и культ»), *дезавуирующее определение* («Графоман Жюль Верн», «Песнь торжествующего плебея», «О языковой сервильности великороссов»), *совмещение слов со смещенной семантикой* («Ледокол Суворов», «Черный принц политической некрофилии», «Перпендикуляр Зиновьев»), *тавтология* («Паршивец Паршев»).

Интеллектуальную и нагруженную максимальным литературно-теоретическим смыслом часть книги представляет «текст в тексте» – раздел, который собирает в узел все ее темы, начиная с зачина «Гуру», биографического «Довлатова», писательско-публицистической «кухни» и раздумий о природе творчества и кончая смыслом писательства в двух «концах» «Долины идолов». В этом разделе-трактате-пособии – «Технологии рассказа», с его Введением, семью главами, Приложением и Библиографией – М. Веллер делится в афористической манере собственными секретами писательства, выношенными им за долгую творческую практику. Особенность этой части вновь обнаруживает потребность автора слой за слоем накладывать, преобразовывать, частично отменять и усложнять уже предложенное, вступать с ним в диалог, каждому аспекту и рецепту находить уточнение и приводить читателя к пониманию, что общение с литературным произведением не меньший труд, чем писательство. Тем не менее, хоть и усиленно работу художника понять, но тайну обаяния его уникальности можно только почувствовать и пережить.

И все-таки, если кратко сформулировать некую общую универсальную схему, которая обнаруживает себя при анализе рассматриваемых произведений нашего автора, что это будет?

О чем бы ни писал М. Веллер, о современных писателях или о классиках, о том, как оплачивается писательский труд, о жестокости редактуры, о правильности постановки знаков препинания, о массовой и элитарной культуре и литературе, – практически всегда обсуждаемое явление обнаруживает высокую серьезность его понимания писателем. Для читателя же, пожалуй, в первую очередь возникает целое проблемное поле, которое ожидает своего оригинального решения.

Следующим пунктом аргументации писателя обычно бывает приведение целого ряда представляющихся весьма основательными и убедительными сведений, фактов, наблюдений. Когда же проблемное поле оказывается достаточно очерчено, писатель в противовес сказанному пользуется эффектом вытасченного из рукава козыря. Или же противовесом выступает изящно выстроенная тирада доводов, склоняющих читателя на сторону повествователя. Для М. Веллера показательна ситуация, когда общество, обильно присутствующее на страницах книги, делится на два фланга: недалекое большинство и избранное меньшинство, к сознанию и чувствам которого риторически ярко (стилистика писателя – тема отдельного разговора) апеллирует автор. Вот, как нам думается, выглядит самая общая схема функционирования текстов, направленных на демонстрацию М. Веллером собственного взгляда и опыта, связанных с косвенно литературной деятельностью. Если сформулировать буквально, то мы получим оппозицию «Жизнь и литература – Михаил Веллер».

Подводя итог предпринятому экскурсу, можно констатировать следующее. Книга М. Веллера «Долина идолов» представляет собой сложную иерархически выстроенную систему. Система эта организуется совмещением, пересечением и наложением друг на друга разноуровневых и разноорганизованных семантических оппозиций. Результатом столь сложного построения становится выявление «феномена писательства» как в своем сущностном профессиональном измерении, так и в конкретно-историческом житейском. Умысел же автора заключался, как нам представляется, в том, чтобы, во-первых, очертить весьма масштабный диапазон эмпирического осмысления творчества и предназначения художника, бытующего в массовом читательском восприятии, во-вторых, предоставив читателю иллюзорную возможность заглянуть в святая святых, посмотреть на литературу и писателей в замочную скважину, последовательно и много-

эшелонированно опровергнуть читательские мифы и иллюзии и, в-третьих, убежденно высказать свои заветные представления по всему кругу вопросов литературного творчества.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Время и пространство в романе [Текст] / М. М. Бахтин // Вопросы литературоведения. – 1974. – № 3. – С. 133–179.
2. Берковский, Н. Статьи о литературе [Текст] / Н. Берковский. – М.; Л., 1962.
3. Бойко, М. Электростанция по имени Веллер. ЕХ LIBRIS [Текст] / М. Бойко // Независимая газета. – 2008. – № 17. – Четверг 22 мая. – С. 1.
4. Быков, Д. Книжная полка Дмитрия Быкова / [Текст] / Д. Быков // Новый мир. – 2003. – № 8. – С. 186–187
5. Веллер, М. И. Технология рассказа [Текст] / М. И. Веллер // Долина идолов. – М., 2006. – С. 447–505.
6. Винокуров, А. В другой весовой категории [Текст] / А. Винокуров // Знамя. – 1996. – № 11. – С. 219–220.
7. Выготский, Л. Психология искусства [Текст] / Л. М. Выготский. – М., 1968.
8. Гуреев, В. Н. Михаил Веллер [Текст] / В. Н. Гуреев, О. В. Лазаренко, Е. Г. Мущенко и др. // Проза 1980–2000-х гг. : справочное пособие для филолога. – Воронеж : 2003. – С. 43–46.
9. Данилова, Е. Катастрофа, как и было сказано [Текст] / Е. Данилова // Огонёк. – 2005. – № 41. – С. 57.
10. Дубшан, Л. Разбиватель сердец. М. Веллер. Литературный календарь [Текст] / Л. Дубшан // Новый мир. – 1990. – № 5. – С. 258–262.
11. Каменев, В. Феномен М. Веллера [Текст] / В. Каменев // Юность. – 2006. – № 4. – 102–104.
12. Канчуков, Е. Постигание метода, или опыт новой антиутопии [Текст] / Е. Канчуков // Согласие. – 1990. – № 1.
13. Князев С. И. Профессионализм и амбиции писателя Веллера [Текст] / С. И. Князев // Звезда. – 1996. – № 10. – С. 225–228.
14. Рощин, Д. Башня, Блудница и Бриллианты [Текст] / Д. Рощин // Библиотечное дело. – 2004. – № 6. – С. 44.